

**БРИТАНСКАЯ ЮЖНАЯ АФРИКА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА:
ВЫБОР МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ**

© 2010 С.А. Богомолов

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 15.04.2010

Предмет статьи – теоретическая дискуссия в британской прессе в последней трети XIX века по проблемам развития Южной Африки. Автор пытается сравнить британскую индустриальную и бурскую сельскохозяйственную модели развития этого региона, а также различные принципы отношений с африканскими племенами. Эти принципиальные противоречия между британскими предпринимателями и бурами-фермерами стали главной причиной англо-бурской войны 1899-1902 годов. Ключевые слова: Британская империя, Южная Африка, Трансвааль, колонии, экспансия, буры, пресса.

В последней трети XIX века Южная Африка была наиболее динамично развивающейся и в то же время наиболее “конфликтной” частью Британской империи. В этом регионе британцы столкнулись не с потестарными обществами, как в Тропической Африке, а бурскими республиками – Трансваалем и Свободным Оранжевым государством, которые предложили альтернативную модель колонизации региона. Если британская администрация Капской колонии стремилась к разработке минеральных ресурсов региона, то буры отстаивали свое право на сохранение аграрной экономики, в первую очередь основанной на экстенсивном скотоводстве. Британские предприниматели были заинтересованы в мирных отношениях с африканским населением (“кафрами”), которое привлекали на рудники в качестве неквалифицированной рабочей силы. В то же время буры постоянно вели с африканцами войны из-за пастбищ и скота и тем самым дестабилизировали ситуацию в регионе.

В изучении данной проблематики отечественные исследователи в основном обращали внимание на экономические, политические и военные предпосылки англо-бурского конфликта. При этом значительно меньше внимания уделялось сравнительному анализу альтернативных моделей колонизации региона британцев и буров¹.

Вельд (степные равнины) Южной Африки по климату, характеру почв и растительности был очень удобен для европейской аграрной колонизации. В то же время южноафриканские плоскогорья по богатству минеральных ресурсов не имели равных как в Британской империи, так и во всем мире. Относительная близость к Европе позволяла сравнительно быстро и с минимальными затратами организовать эмиграцию, сосредоточив в колонии квалифицированные трудовые ресурсы. В

отличие от Канады, Австралии и Новой Зеландии в Южной Африке аграрная колонизация одной европейской страны (Голландии) предшествовала индустриализации, которую начала другая европейская страна (Великобритания). Это стало главной причиной возникновения предпосылок для долгосрочного конфликта. Во второй половине XIX века Южная Африка уже не могла стать зоной британской аграрной колонизации. Британец эмигрировал как “шахтер, пионер, авантюрист, торговец, но медленный монотонный труд фермера среди просторов африканского вельда очевидно терял свою привлекательность для нашего нервного и нетерпеливого поколения”².

В 1854 г. в междуречье Оранжевой, Лимпопо и Вааля была создана первая бурская республика – Свободное Оранжевое государство (Оранжевая республика) со столицей в Блумфонтейне, а в 1856 году вторая – Трансвааль (Южно-Африканская Республика) со столицей в Претории. 30 тыс. буров в Оранжевой республике и 125 тыс. в Трансваале захватили территории, на которых проживало около 1 миллиона африканцев, которые были превращены в рабов. Если в Капской колонии буры владели фермами в среднем по 6 тыс. акров, то в своих республиках они создавали хозяйства до 50-100 тыс. акров³.

Аграрные бурские республики не имели устойчивой экономической базы и отличались крайней слабостью государственного аппарата и политической нестабильностью. Кроме того, буры постоянно вели вооруженную борьбу с африканскими племенами из-за пастбищ и скота. Девять “кафрских войн” серьезно осложнили ситуацию на границах британских колоний. “Трансвааль был полон небольших крепких и в высшей степени горячих общин, которые ссорились между собой так же неистово, как они делали это с властями в Капской колонии... Между Оранжевой и Ваалем вообще не было никакой формы правле-

Богомолов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета. E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

ния: неуправляемая масса голландских фермеров, басуто, готтентотов и метисов хронически пребывала в состоянии брожения, не признавая ни британской власти к югу от них, ни трансваальской республики к северу... Субтропическое солнце производило новые ферменты в спокойной фризской крови, создавая народ, который соединил темпераментность и раздражительность юга с грозной стойкостью севера. Страстная энергия и горячие амбиции порождали междоусобицы и соперничество, достойные средневековой Италии”⁴.

В 1876-1877 гг. Трансвааль вошел в состояние полной дезорганизации и тяжелейшего финансового кризиса из-за постоянного нежелания буров платить налоги. Бурская республика превратилась в “кошмар и угрозу для соседей... хаос стал невыносим”, и британский комиссар сэр Теофилес Шепстон аннексировал бурские территории. Назначенный губернатор Трансвааля сэр Оуэн Ланион стабилизировал ситуацию, восстановил сбор налогов, но промедлил с восстановлением фольксраада (парламента). Не стерпев подобной дискриминации, 22 декабря 1880 г. буры восстали и выиграли свою первую войну за независимость с Великобританией. 23 марта 1881 г. в Претории был подписан мирный договор, по которому Трансвааль восстановил свою независимость.

Один из лидеров британского либерализма и теоретиков “нового империализма” Ч. Дилк видел основную проблему в том, что буры контролировали аграрный сектор экономики и тормозили его модернизацию. Буры были заинтересованы в максимальных ценах на продовольствие, сдерживали его производство и одновременно лоббировали повышение импортных пошлин. Британское население шахтерских поселков (“ойтлендеры”, т.е. “безземельные”) было, естественно, заинтересовано в снижении цен и пошлин, что влекло за собой таможенные войны между британскими колониями и бурскими республиками. Кроме того, буры выступили против отмены в 1888-1889 гг. иммиграции, которую финансировали европейские государства. Это не остановило иммиграцию из Великобритании и Германии квалифицированных рабочих, привлеченных высокими заработками на золотых и алмазных приисках, но заблокировало приток неимущих переселенцев из Голландии, этнически родственных бурам.

Кроме того, последних весьма раздражала деятельность британских христианских миссий, осуществлявших образовательные и гуманитарные программы среди африканцев и мешавших их неограниченной эксплуатации в качестве рабов на фермах. Буры оправдывались тем, что обвиняли миссионеров в получении коммерческих прибылей от торговли с африканскими племенами. Они также выступали против политической эмансипации африканцев, критикуя допуск последних по

квоте 14 мест в парламент Капской колонии. Тем не менее Дилк считал, что без налаживания сотрудничества британцев и буров развитие и безопасность Южной Африки невозможны. Британский флот и гарнизоны в фортах могут обеспечить охрану побережья, но только бурская милиция в состоянии сохранить порядок во внутренних районах. Автор полагает, что такое сотрудничество возможно в рамках представительской демократии⁵.

В отличие от либерала Ч. Дилка консерватор Д. Фруд констатирует, что начавшееся в Южной Африке развитие горнодобывающей промышленности и рост иммиграции из Европы не улучшили, а ухудшили отношения британцев, буров и африканцев. Как теоретик “нового империализма”, Фруд не подвергает сомнению аксиому имперской миссии Великобритании – контроль и развитие этого региона. Он согласен с Дилком в том, что это требует ликвидации обычаев африканских племен – “закона войны”, как нормы взаимоотношений как между собой, так и с европейцами. Но, в отличие от Дилка, он видит исполнение британской миссии и будущее Южной Африки не в индустриальном, а в аграрном развитии, в котором главную роль будут играть не шахтеры-иммигранты, а буры-фермеры.

Он считает главными богатствами Южной Африки не золото и алмазы, которые только портят людей, делая целью их жизни “делание денег”, а выгодное географическое положение, плодородные почвы и теплый климат. Фруд высказывает пожелание, чтобы 15 тысяч бурских ферм (гомстедов) в Трансваале и Оранжевой республике превратились в 150 тысяч. Не шахтеров, а фермеров он считает “истинными колонистами”, которые “делают Южную Африку своим домом”. Он называет буров “йоменами” и “солдатами свободы”, уподобляет их предков-голландцев, завоевавших независимость в борьбе с тиранией Испании, англичанам-елизаветинцам, разгромившим в этом же XVI веке испанскую Армаду и заложившим фундамент свободы и демократии. Фруд, как теоретик консервативного направления, не проводит рациональный анализ причин англо-бурского конфликта, не создает конституционные конструкции будущего государства, ничего не говорит о его экономических перспективах. Фруд поднимается к высотам имперской риторики: “дух национальной жизни может пронизать вены целой страны... Мы будем очевидцами рождения новой свободной страны среди великих обществ мира”⁶.

Южную Африку он считает образцом патриархальной идиллии и покровительства европейцев над аборигенами. В XVII веке голландцы начали строить здесь города и дороги, пахать землю, управлять “нецивилизованными племенами”. К тому времени, когда здесь высадились британцы, чтобы в ходе войн с Наполеоном обеспечить

безопасность коммуникаций из Великобритании в Индию и Венский конгресс окончательно передал эту голландскую колонию Великобритании, здесь сменилось 7 поколений колонистов-буров. Фруд считает, что столь длительное проживание создает права буров на территории, которые не могут нарушить победы европейских монархов над Наполеоном и юридические акты Венского конгресса. Британцы сосредотачиваются в городах и оказываются в положении завоевателей.

Он полагает, что до появления британцев отношения буров и аборигенов, племен коса, зулусов и готтентотов, были гармоничными и обеспечивали иерархию высшей расы европейцев-земледельцев и низшей – африканцев-кочевников. Буры процветали, живя среди девственной природы на уединенных фермах. Благочестивые и скрупулезно религиозные, они из книг, как правило, в своей жизни читали только Библию, воспитывали детей дома, на собственном примере и вдали от соблазнов больших городов. По мнению Фруда, буры нанимали африканцев на свои фермы, отучали их от лени и бродяжничества, воспитывали трудолюбие и послушание. Они находились в положении домашних рабов, пользовались заботой хозяев и не думали о сопротивлении. Лишение африканцев права на владение землей и участие в выборах Фруд считает разумной платой за замену племенных обычаев законами. Фруд полагает, что из всех современных народов буры больше всех походят на римских крестьян-солдат, победивших Пирра и Ганнибала.

Появление британцев разрушило эту гармонию. Новые власти Капской колонии и Наталья запретили рабский труд африканцев на фермах буров. Те, оставшись без опеки, начали предаваться всем порокам – воровству, бродяжничеству, пьянству и т.д. Вместо домашнего рабства их положение начинает регулироваться законами о бродяжничестве, аналогичными тем, которые существовали в Англии во времена Елизаветы I, а это означало не патриархальную заботу, а жесткие репрессии. Другим негативным, но естественным и справедливым следствием британских реформ стал “великий трек” буров за Вааль и Оранжевую. По закону майората отцы передавали фермы старшим сыновьям, что заставляло младших уходить на новые земли в поисках средств существования. Это в свою очередь повлекло за собой всплеск войн буров с коса и зулусами. В логике Фруда такие войны являются нормальной борьбой рас за существование, но никак не покорением “огнем и мечом” “невинных туземцев”, как это представляли британские аболиционисты. Для него намного хуже выглядит экономическая экспансия Великобритании, которая привела к интенсивному освоению минеральных богатств региона. Открытие алмазов вызвало в Туманном Альбионе страх, что буры не смогут контролиро-

вать интернациональную “толпу хищников”, прибывшую их добывать. Итогом этого страха стала аннексия Трансвааля. Саму аннексию он называет “британским позором” и причиной всех дальнейших англо-бурских конфликтов⁷.

Известный писатель А. Конан Дойль в рассмотрении проблем Южной Африки занимает внепартийную позицию и стремится максимально объективно охарактеризовать обе стороны конфликта. Он полагает, что все европейские переселенцы в Южной Африке – “люди одного корня и их мировоззрение различается лишь степенью фанатизма и нетерпимости”. Буры с их суровым кальвинистским протестантизмом начали колонизацию огромных территорий без внешней экономической и военной помощи, в тяжелых природно-климатических условиях и в постоянных войнах с местными племенами.

В результате возник “один из самых стойких, отважных и неукротимых народов, когда-либо обитавших на земле. Возьмите этих несгибаемых людей и семь их поколений; упражняйте их в постоянной борьбе с дикарями и свирепыми животными в условиях, когда слабые не выживают; предоставьте им возможность достичь исключительного мастерства в искусстве владения оружием и верховой езде; дайте им территорию, в высшей степени подходящую для тактики охотника, меткого стрелка и наездника; наконец, закалите их боевые качества строгой фаталистической ветхозаветной верой и страстным всепоглощающим патриотизмом... и вы получите современного бура – самого серьезного противника, который когда-либо вставал на пути Британской империи. Наполеон и его опытные солдаты никогда не относились к нам с такой непримиримостью, как эти непреклонные фермеры с их древней теологией и весьма современными винтовками”⁸.

Настоятель кафедральной церкви в Грэхемстоуне доктор Уиргман связывает модель поведения буров с религиозным фундаментом их мировоззрения. Для него различие бурского кальвинизма и британского англиканства – это “различие Закона и Евангелия, идеал Ветхого Завета, который контрастирует с Новым Заветом”. В XVII веке для голландских эмигрантов Южная Африка стала Землей обетованной, которую они завоевали мечом и подчинили “кафров” подобно тому, как ветхозаветные израильтяне подчинили Ханаан.

Буры воспринимали себя как богоизбранных “хозяев земли”, а африканцев – как низших существ, которые не могут иметь никаких прав. Оказавшись в Южной Африке в изоляции, мигранты не испытали гуманизирующего влияния европейской цивилизации и продолжали мыслить категориями эпохи работорговли. Буры принципиально отказывались учить “кафров”

читать и писать, отрицали для них любые права на землю, запрещали государственную регистрацию их браков и ни при каких обстоятельствах не разрешали участие в выборах. Подобные меры британской администрации они воспринимали как “преступление и обиду”⁹.

После того как буры распространили свою “туземную политику” на ойтлендеров, конфликт с Великобританией стал неизбежным. Евангельская основа британской имперской политики и “судьба Британской империи в том, чтобы нести бремя белого человека... управлять чуждыми расами для их собственного блага и в их собственных интересах, а не только для нашего собственного”. Бур же считает, что “черный человек должен нести ношу бура”. Доктор Уиргман полагает, что буры совершенно сознательно разрушили миссионерскую станцию доктора Ливингстона в Курумани и их победа будет означать “триумф рабства и победу принципов, внутренне злых и полностью противоречащих всему истинному человеческому прогрессу”¹⁰.

Англо-бурский конфликт обострялся по мере того, как британские эксперты и сами буры яснее осознавали масштаб минеральных богатств на своих территориях. В 1898 г. здесь сосредоточивается 1/3 мировой добычи золота, что было для Великобритании особенно важно, если учесть истощение золотых месторождений в Австралии. Кардинально ухудшил ситуацию неподготовленный рейд отряда Л.С. Джеймсона из Мафекинга (Капская колония) в Трансвааль 29 декабря 1895 г. 2 января этот отряд британских волонтеров был окружен превосходящими силами буров под Дорнкопом и взят в плен¹¹.

Г. Брайден подвел итоги рейда Джеймсона и в статье с характерным названием “Похвала бурам” сделал вывод об их крайней военной опасности. Еще в 1881 г. “эти грубые фермеры легко оборонялись от британских сил, посланных против них... снова и снова демонстрируя свое превосходство над регулярными войсками, сражавшимися обычными европейскими методами”. Правила европейских военных уставов и академий непригодны в африканском вельде и на плоскогорьях Ранда. В этих условиях важнее “экстраординарное знание вельда и жизнь в вельде; крайняя легкость и скорость, с которой они экипируются и мобилизуются; мастерство, с которым они используют каждый атом поверхности и выгоды от естественных оборонительных свойств страны, в которой они действуют и, сверх всего, отличие их меткой стрельбы; все эти достоинства в совокупности позволяют отнести их к лучшим иррегулярным войскам в мире”¹².

С детства бур приобретает навыки “сталкера” – умение подкрадываться к зверям, измерять расстояние на глаз, маскироваться с использованием естественных укрытий. Он привычен к даль-

ним переходам и к верховой езде, к жаре и холоду. Дороговизна оружия и патронов приучает его поражать зверей с первого выстрела. Постоянные войны с “кафрами” заставляют его быть в постоянной боевой готовности. При получении из Претории телеграммы с приказом о мобилизации ее немедленно разносят между фермами мальчишки-“кафры”. В среднем буру достаточно “для мобилизации” 15 минут. За это время он берет ружье, патроны, запас сушеного мяса, табака, кофе и садится на лошадь. Через 24 часа после отправления телеграмм в Претории собирается от 200 до 3000 вооруженных мужчин, которые ожидают распоряжений. Автор вспоминает, как в 1838 г. зулусы из племени дингаан в Натале за одну ночь вырезали 500 буров, включая женщин и детей. В ответ 400 буров в сражении разгромили 10 тысяч “лучших воинов дингаан”, уничтожив 3 тысячи и устроив “кровавую реку” на поле боя. Именно после этой резни практически все буры ушли из Натала за Вааль и Оранжевую¹³.

После провала рейда Джеймсона 15-летний период относительного мира в Южной Африке сменился открытой конфронтацией. И британцам, и бурам стало очевидно, что их модели развития Южной Африки в принципе не совместимы. Ни одна сторона не собиралась уступать, и становилось ясно, что выбор можно будет сделать не за столом переговоров, а на поле боя. С. Шеппард, который начал службу в Верховном суде в Кейптауне в 1870 г., констатирует, что после разгрома отряда Джеймсона ойтлендеры в Трансваале были лишены даже минимальной защиты закона. Положение ойтлендеров в бурских республиках ухудшалось по мере обогащения и роста уверенности буров в своих силах. После 1890 г. “тирания Претории” стала совершенно нетерпима. Британские подданные были лишены всех гражданских прав и стали беззащитными жертвами полицейского террора. Полиция буров могла вторгнуться в дома ойтлендеров без судебных постановлений днем или ночью, за протест британец мог быть убит в собственной комнате, а женщины – подвергнуться любым оскорблениям. Все постановления судов буров являлись “фарсом” и не защищали ойтлендеров от “обычного” криминала – грабежей, избиений и т.д. Безоружные и беспомощные британцы превратились в “объект осмеяния”, что “невежественная олигархия” буров превратила их в “илотов”, а “саму так называемую республику до вида правительства, пригодного только для комической оперы”. Британские авторы делали единодушный вывод: буры не оставили Великобритании другого выхода, кроме военного вмешательства с целью восстановления единства Южной Африки от Кейптауна до Замбези и ликвидации искусственной изоляции Трансва-

аля под лозунгом “Imperium et Libertas”¹⁴.

Британские авторы предъявили правительствам бурских республик длинный список претензий. Президент Крюгер установил в Трансваале монополию на железнодорожное строительство и перевозки, которая привела к формированию “экстравагантных цен” на продовольствие. Монополия буров на продажу британским компаниям динамита по завышенным ценам для горных работ приносила им спекулятивную прибыль в размере 600 тыс. ф.ст. в год. Кроме того, монополия на производство спирта давала прибыль 100 тыс. ф.ст. в год. Африканцы стремились работать на шахтах, где они зарабатывали 25-30 шиллингов в неделю, и уходили с бурских ферм, где им платили только 10-20 шиллингов в месяц. Но буры отнимали у африканцев заработанные деньги, когда те возвращались домой через их владения. Если был невозможен прямой грабеж, буры спаивали африканцев, лишая их средств к существованию, а британских промышленников – рабочей силы. Британский менеджер шахты сообщал, что из 1500 нанятых рабочих в среднем 375 человек ежедневно не могли работать из-за употребления спиртных напитков.

Правительство Трансваала не реагировало на протесты британских предпринимателей, объясняя пьянство туземцев их неискоренимой “привычкой к интоксикации”. Горнодобывающие компании в собственных интересах делали все возможное, чтобы обеспечить умеренность среди своих рабочих, но их усилия срывались действиями правительства, раздающего лицензии на торговлю спиртным направо и налево в тесной близости к местам работы. Торговля спиртным провоцировала туземцев на воровство амальгамы (смесь 1/3 золота и 2/3 ртути). В Трансваале закон запрещал туземцам владеть золотом в любом виде, но буры – владельцы магазинов, при попустительстве полиции игнорировали этот запрет и скупали амальгаму у африканцев¹⁵.

В последней трети XIX века как британским, так и бурским политикам и экспертам стала оче-

видной несовместимость их концепций развития Южной Африки. Британская модель динамичной индустриализации и бурская модель статичной аграрной экономики стали основой принципиально различающихся политических систем, этических норм и ценностей. Британцы и буры практиковали принципиально различную политику в отношении африканского населения. Эскалация конфликта привела к продолжительной, кровопролитной и разрушительной войне 1899-1902 гг. Но интенсивный интеллектуальный поиск не пропал даром, и его результаты стали основой для послевоенного урегулирования ситуации в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никитина А.И. Захват бурских республик Англией. М.: Наука, 1970; Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. №1; Дроговоз И.Г. Англо-бурская война 1899-1902 гг. Минск: Харвест, 2004.
- ² Low S., Sheppard S. South African Problems and Lessons // The Nineteenth Century. №274. December 1899. P.873.
- ³ Дроговоз И.Г. Указ. соч. С.10.
- ⁴ Конан Дойль А. Англо-Бурская война (1899-1902). М.: Изд-во Эксмо, 2004. С.20.
- ⁵ Dilke C.W. Problems of Greater Britain. Vol. 1-2. L., 1890. Vol.1. P.484-485.
- ⁶ Dunn W.H. J.A. Froude. Vol. 1-2. Oxford: Oxford University Press, 1961-1963. Vol.2. P.415.
- ⁷ Froude J.A. Oceana or England and her colonies. L., 1886. P.39-41.
- ⁸ Конан Дойль А. Указ. соч. С.8.
- ⁹ Wirgman Dr. The Boers and the Native Question // The Nineteenth Century. №278. April 1900. P.893.
- ¹⁰ Ibidem. P.597-600.
- ¹¹ Конан Дойль А. Указ. соч. С. 61-63.
- ¹² Bryden H.A. In Praise of the Boers // The Nineteenth Century. № 229. March 1896. P.381.
- ¹³ Ibidem. P.388.
- ¹⁴ Sheppard S. Are we Lose South Africa? // The Nineteenth Century. № 269. July 1899. P.4-6; Low S., Sheppard S. Op. cit. P.865-867.
- ¹⁵ Dicey E. Why South Africa cannot wait // The Nineteenth Century. №231. May 1896. P.733; Meysey-Thompson H. The Real Grievance of the Oitlanders // The Nineteenth Century. №252. May 1898. P.322.

BRITISH SOUTH AFRICA IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY: A CHOICE OF THE DEVELOPMENT MODEL

© 2010 S.A. Bogomolov

Ulyanovsk State University

The subject of the article is the theoretical discussion in the British press of the last third of the XIX century on the problems of the development of South Africa. The author attempts to compare the British industrial and Boers agricultural models of development of this region and different principles of relations with African tribes. These fundamental contradictions between British businessmen and Boer farmers became the main cause of the Anglo-Boer war of 1899-1902.

Key words: British Empire, South Africa, Transvaal, colonies, expansion, Boers, press.

*Sergey Bogomolov, Candidate of History, Associate Professor,
Theory and History of State and Law Department.
E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru*